



*Моей семье за то, что она показала мне мир,  
и моей жене Лейси за то,  
что помогла мне увидеть все это снова.*

*Медведи сделаны из того же праха, что и мы, они дышат теми же ветрами и пьют те же воды. Дни медведя согреты тем же солнцем, его жилище укрывает то же голубое небо, а жизнь его зарождается и угасает в такт с биением сердца — такого же, как и наше. Он вышел из того же первообразного источника. И независимо от того, попадет ли он в конце пути в наш унылый рай или нет, ему даровано земное бессмертие. Его жизнь, не длинная, не короткая, не ведает ни начала, ни конца. Жизнь его беспредельна, не спланирована заранее, она выше случайностей времени, и годы его, ничем не отмеченные и бесконечные, равны вечности.*

*Джон Мьюр*

## ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Эта книга — воспоминание, невыдуманная история, она написана с максимальной точностью на основе личного опыта и добросовестно выполненных записей в дневнике, а также благодаря фотографиям и интервью с ключевыми участниками событий, сделанными позднее. В тех случаях, когда в фокусе повествования оказывается не только сам рассказчик, были использованы подробности из интервью, взятых у людей, сопровождавших автора.

## ПРОЛОГ

Прохладный ветер, дующий через приполярную тундру, шелестел тонким нейлоном моей палатки, холодный воздух освежал и помогал расслабиться. Солнечный свет пробивался сквозь тонкую дымку высоких перистых облаков, мягко нагревая палатку, и в ней было особенно хорошо. Я поуютнее устроился в спальнике и вскоре погрузился в глубокий сон. Было уже за полдень, шел двадцать девятый день девятисоткилометрового похода на каноэ, в который я отправился с пятью другими гребцами.

Из глубины сна я резко вынырнул и сел, задыхаясь, отчаянно торопясь проснуться и обрести ясность мыслей. Грудь моя вздымалась, легкие жадно ловили воздух, словно я только что вынырнул из-под волны. Я уже не помнил, что мне приснилось. Встревоженный, я оглядел палатку. Здесь напрочь отсутствовало ощущение времени, и все же меня охватило тревожное чувство, будто я куда-то опаздываю.

Подгоняемый тревожной мыслью о том, что мне надо куда-то спешить, я быстро оделся, обулся, вышел из палатки и широкими шагами стал подниматься на холм, забираясь на крутой скалистый гребень над нашим лагерем. Все еще ощущая тревогу и стряхивая с себя плотно державший меня дурман сна, я вскоре запыхался от тяжелого подъема. На то, чтобы подняться по гребню метров

на тридцать по вертикали, у меня ушло несколько минут. Наверху я увидел лунный пейзаж с округлыми гранитными куполами, разбросанными среди более мелких камней. Я стоял на высоте более ста двадцати метров над необъятной голубой ширью озера *Принцесс-Мэри*<sup>1</sup>, и вид отсюда открывался почти на пятьдесят километров во все стороны. Безлесный простор поражал величием, а расстояние трудно было постичь.

Ошеломленный увиденным, я повернулся к небольшой возвышенности вдалеке, увенчанной сложенной из камней пирамидой-инукшуком, и продолжил движение. *Nikon* в водонепроницаемом противоударном кейсе оттягивал мне руку. Я решил, что не буду доставать фотоаппарат, пока не доберусь, куда наметил. Я шел мимо маленьких округлых валунов, много веков назад оставленных вдоль гребня сползавшими с него ледниками. Большой месяц склонился на небе впереди по ходу моего движения, указывая на север, в сторону Северного полярного круга. Я шел, рассматривая поверхность гребня и любясь искорками солнечного света в граните и серо-зелеными цветками лишайника.

Ощущение, словно я опаздываю куда-то, постепенно отступало, и я начал успокаиваться. Мысли мои блуждали. Я думал о предстоящем выпускном классе в средней школе и о книге для летнего чтения, лежавшей у меня в кармане, — это был *«Клуб лжецов»*<sup>2</sup>. Быстро отбросив мысли о книге, я вспомнил о кейсе с фотоаппаратом и стал прикидывать, что стоит сфотографировать прежде всего. Я миновал пятна лишайников и россыпи гранита, прошел мимо растущей пучками травы. Доставать фотоаппарат или

---

<sup>1</sup> *Принцесс-Мэри* — озеро в южной части территории Нунавут в Канаде. Одно из самых больших озер Канады — площадь водной поверхности 471 км<sup>2</sup>, общая площадь — 524 км<sup>2</sup> (здесь и далее — *Прим. пер.*).

<sup>2</sup> *«Клуб лжецов»* — роман Мэри Карр (1995).

читать мне было лень, и я решил посидеть рядом с инукшук-ком — место казалось идеальным.

На полпути к пирамиде я по-прежнему смотрел себе под ноги, взбираясь по одному из пологих гранитных куполов, когда краем глаза вдруг отметил, что наверху что-то мелькнуло. Я резко вскинул голову. Метрах в девяти от меня, на вершине купола, двигалось животное. Коричневый мех. Все во мне сжалось, а пульс забился в два раза быстрее. Все мышцы от плеч до ног разом напряглись. Я вспомнил об агрессивных овцебыках, которых мы видели раньше. Нас предупреждали, что они очень опасны. Пока мой мозг был занят расшифровкой стремительно передающихся сигналов синапсов и зрения, я сделал гораздо более страшное открытие. Передо мной был не овцебык — все оказалось куда хуже. В этот момент взгляд существа встретился с моим. На меня пристально смотрели черные глаза медведя гризли.

# ЧАСТЬ I



Есть магия в ощущении весла и движении каноэ, магия, смешанная с расстоянием, приключениями, одиночеством и покоем. Путь каноэ — это путь дикой природы и почти забытой свободы. Это противоядие от неуверенности, открытая дверь к водным путям прошлых веков и образу жизни с глубоким и неизменным удовлетворением. Когда человек становится частью своего каноэ, он становится частью всего, что когда-либо знали каноэ.

Сигурд Ф. Олсон<sup>3</sup> «Поющая глушь»

## ГЛАВА 1

### ЗАБРОС В ТАЙГУ: ДНИ 1–2

Самолет вибрировал от неприятного гудения работающих вхолостую моторов. Нам предстояло целый час лететь, а затем сорок два дня идти на веслах. Пилоты, со своего «наседа» руководившие нашей посадкой в самолет с поплавка, уже погрузили в *Twin Otter* наше снаряжение — оно громоздилось от носовой перегородки до уложенных высокой кучей объемных рюкзаков в хвосте. Три каноэ марки *Old Town Tripper* заняли всю правую часть салона. Свободным оставалось лишь пространство вдоль узкого ряда из шести полотняных сидений с левой стороны, а также возле неплотно завинченной запасной бочки с топливом, что стояла сразу за креслом второго пилота. Вентилятор подхватил испарения реактивного топлива, и мы напрасно пытались не обращать на это внимания.

Дэн пробирался на свое место через сиденья впереди меня, этому здоровяку ростом два метра было непросто раз-

---

<sup>3</sup> Сигурд Фердинанд Олсон (1899–1982) — американский писатель, эколог, защитник дикой природы.

вернуться в тесноте между сиденьями и уложенными друг на друга каноэ. Сиденья были довольно спартанские — старая парусина, натянутая на алюминиевый каркас, — и в узком туннеле представляли собой подобие препятствий в лабиринте, так что нам приходилось неловко переступать друг через друга. Я ниже Дэна на пятнадцать сантиметров, во мне ровно метр восемьдесят три, но и я с трудом пролез к своему месту. Сзади меня сидел Жан, в ярко-красном дождевике, глаза его было невозможно рассмотреть сквозь солнечные очки, а челюсти были плотно стиснуты, словно он пытался сдерживать напряжение, от которого и у меня что-то сжималось под ребрами. За ним сидел Огги, наименее тепло укутанный из нас — всего несколько слоев одежды и тонкий флис сверху. Он был готов к взлету, спокоен. За Огги сидел Майк, в желтой куртке, недавно обритая голова его была высоко поднята, глаза открыты. Замыкал ряд Дэрин, самый мелкий из нас, он выбрал самое маленькое сиденье у хвостовой перегородки, за кучей снаряжения у большой двери в хвосте самолета. Из-под клапанов черной флисовой шапочки волосы его выбивались темными кудряшками. Он сжал губы, отыскивая и защелкивая пряжку ремня безопасности. Я нашел свой ремень и затем выглянул наружу через запотевший иллюминатор, стараясь смотреть сквозь громко вращавшиеся на крыле лопасти винта.

На причале стояла группа из пяти девушек — *Femmes*<sup>4</sup>, которым предстояло отправиться в такой же, как и наш, поход. Их каноэ и снаряжение грудой были навалены на берегу, как недавно лежали и наши пожитки. Забросив нас в бескрайнюю канадскую тайгу, самолет вернется за ними. Они тоже приземлятся где-нибудь в глуши и пойдут на веслах по большим рекам и озерам. Наши маршру-

---

<sup>4</sup> *Femmes* — с франц. «женщины».

ты будут идти параллельно на расстоянии сотен километров друг от друга, пока через несколько недель, наконец, не пересекутся. Однако самих девчонок мы там не увидим; их маршрут был спланирован так, что им предстояло опередить нас на полнедели и полтораста километров. Мы встретимся с ними только в маленьком городке в конце наших маршрутов, почти в 900 километрах к северу от места заброса.

— Увидимся в Бейкер-Лейк! — закричали мы друг другу на прощание, и не успел я опомниться, как уже смотрел на них со своего места в самолете. Я помял пальцами и плотнее вложил в уши затычки, чтобы заглушить рев работающих на холостом ходу двигателей. В иллюминатор было видно, как улыбающаяся группа выстроилась плечом к плечу, приготовившись начать традиционный прощальный танец лагеря *Миноджин*<sup>5</sup>. Девчонки синхронно махали ногами вправо и влево, распевая «*Счастливые тропы*»<sup>6</sup>. Шум моторов самолета не давал нам расслышать слова, но мы знали их наизусть и так.

Двигатели взревели, и самолет затрясло. Взметнувшаяся от воздушной струи вода озера хлестнула на берег, заглушая прощальный хор. Схватив шляпы и солнцезащитные очки, чтобы их не унесло, *Fettes* закончили песню и исчезли из виду.

Через минуту мы уже были в воздухе над озером Линн-Лейк и поднялись над деревьями на его дальнем берегу. Вскоре скорость достигла почти трехсот километров в час,

---

<sup>5</sup> *Кэмп Миноджин* — юношеский спортивный лагерь в системе «Юношеской христианской ассоциации», основанной в 1844 году Джорджем Уильямсом. Лагерь располагается в штате Миннесота и организует пешие, канойные и скалолазные походы для групп из 4–6 подростков длительностью от 8 до 45 дней.

<sup>6</sup> «*Happy Trails*» — написанная в 1952 году для телешоу песня Роя Роджерса и Дэйл Эванс стала народной.

в трехстах метрах под нами раскинулась северная часть озера Манитоба и бескрайнее кустарниковое мелколесье канадской тайги. Я сидел и смотрел на поблескивающие, смахивающие на амёб пятна внизу — куда ни глянь, везде виднелись лишь озера и нетронутая земля. Прошло уже больше часа, а мы все летели. От гула двигателей, дребезжания фюзеляжа и едкого запаха самолетного топлива у меня стало ломить голову.

Когда мы прибыли к месту назначения в таком же безлюдном месте, самолет закружил над озером Уолдаи. Наши пилоты выполнили предварительный заход, снова развернулись и только после этого аккуратно приводнились на первом озере нашего маршрута. Подруливая пропеллерами, они направили казавшийся неуклюжим корпус к берегу, поправки чиркнули по скалам, и самолет с сильным толчком замер.

Мы вшестером выбрались через заднюю дверь и, прежде чем начать выгрузку, впервые глотнули холодного арктического воздуха. Перед вылетом странно было разбирать наши каноэ, снимая с них упоры и банки, — только так лодки можно было уложить одну над другой, чтобы все они поместились в самолет. Теперь пилоты, вышагивая, как акробаты, по поплавам, помогали нам вытаскивать громадные каноэ из крохотного самолета. Мне хотелось собрать лодки, пока пилоты не улетели, на случай, если вдруг что-то пойдет не так. Каноэ были нашей надеждой на спасение. Без них мы, пешие туристы, нагруженные снаряжением для каноэ, пропадем.

Мошки накинулись на нас сразу. Мелкие и темные, они бесшумно и злобно облепляли обнаженную кожу на запястьях, на поясе и на линии роста волос, моментально присасывались и оставляли в местах укусов жгуче-зудящие точки и капельки крови.

Вскоре все наше снаряжение было выгружено из самолета, и пилоты стали готовиться к обратному рейсу на Линн-Лейк из никому неизвестной точки посреди почти пустой карты. К концу дня они, вероятно, вернутся в какой-нибудь лагерь, в какой-нибудь город, может быть, даже лягут спать в свои собственные постели. Мы же находились в неведомом, незнакомом месте и пробудем тут еще полтора месяца, но для них мы — лишь чартерный рейс, карандашом записанный в календаре. И пусть пилоты едва ли вспомнят нас через неделю — для нас, для меня и моих товарищей по походу, этот день был началом пути, которому суждено было изменить нашу жизнь: теперь мы были *Hommes du Nord*<sup>7</sup>, и нам предстояло сорок два дня плыть на каноэ по бурным рекам и озерам Канады.

Мне было семнадцать.



За полгода до этого я стоял на коленях в снегу на смотровой площадке Карибу-Рок, над озером Вест-Беарскин-Лейк в штате Миннесота, в нескольких километрах к югу от предназначенной для плавания на каноэ акватории Приграничных вод и канадской границы. Дело было сразу после Рождества 2004 года. Рядом со мной был Майк, мой новый друг, с которым я познакомился за несколько дней до того, а также еще несколько подростков и проводников из зимней смены в Кэмп Миноджин. Наше дыхание облачками пара повисало в неподвижном зимнем воздухе. Бледно-серое небо роняло крупные белые снежинки, они парили, как гусиный пух, почти невесомые.

Мне предстояло принять решение.

---

<sup>7</sup> *Hommes du Nord* — с франц. «мужчины Севера».

— Тебе стоит согласиться, — сказал Майк. Маршрут *Hommes du Nord* предполагал сорок два дня путешествия по северной части Канады — сорок два дня в походе, сорок два дня плавания на каноэ по белой воде: сплав, обнос, сон на тонкой «пенке» в тонкой палатке, сорок два дня питания сухими продуктами. Сорок два дня приключений и свежего воздуха.

Преыдущие три года я каждое лето отправлялся в Кэмп Миноджин, постепенно осваивая все более продолжительные и сложные маршруты на каноэ, пока, наконец, меня не пригласили отправиться в этот потрясающий поход, самый длительный и самый сложный из всех, что предлагал лагерь.

Необходимый опыт у меня был, а вот денег на такой поход пока что не было. Я долго раздумывал, глядя, как бесшумно и медленно падают снежинки.



Опустившись на колени на подушку из сфагнового мха, я закончил прикреплять к нашему каноэ банку и поглядел на наших пилотов. Возможно, это последние люди, которых мы увидим на протяжении почти тысячи километров. В животе у меня сжалось от мысли о предстоящем нам одиночестве. Мы собирали последнее каноэ вместе; похоже, они все-таки выдержат нас. Мы дважды залезли в самолет проверить, не забыто ли что-нибудь, но на борту остались только сиденья и едко пахнувший топливный бак. Мы могли выступить в поход, а пилоты были готовы к отлету. Они заперли заднюю дверь *Twin Otter* и прошли по узкому поплавку, чтобы забраться по трапу в кабину.

— Ну, — сказал пилот, — приятного вам общения с мошкой. По мне, так вы все спятили, но все равно счастливого пути!